

Время. 1862. №3.

«Ясная-Поляна», журналъ
педагогическій, издаваемый гр. Л. Н.
Толстымъ. Январь 1862.

Что стоитъ теперь на первомъ планѣ у всѣхъ нашихъ дѣятелей мысли и слова? Разумѣется народъ. Народъ - первенствующій предметъ вниманія нашихъ политиковъ, публицистовъ, экономистовъ и иныхъ. Чего же хотятъ они для народа? Они хотятъ во первыхъ устроить его хозяйственный бытъ и общественныя отношенія по новому положенію, разрѣшивъ наилучшимъ образомъ всѣ вопросы, возникающіе при введеніи этого положенія; во вторыхъ - дать народу возможность пользоваться новыми правами сознательно и разумно, къ чему вѣрнѣйшимъ путемъ представляется распространеніе народнаго образованія.

Первая задача вотъ уже годъ дѣятельно разрабатывается на практикѣ, по указанной

правительствомъ программъ, и обществу остается только наблюдать за ходомъ этихъ работъ и, въ предѣлахъ возможности, освѣщать пройденный и предстоящій имъ путь результатами своихъ наблюдений. По второй задачѣ - люди, смотрящіе на предметъ просто и непосредственно, сводятъ итоги вновь открываемыхъ народныхъ школъ, считаютъ поступающихъ въ нихъ учениковъ, набираютъ для нихъ возможно-большій запасъ учителей, - значить предаются попреимуществу соображеніямъ арифметическимъ по предмету заготовленія матерьяловъ для предстоящихъ работъ распространенія образованія. Но есть еще люди съ высшими взглядами, люди-теоретики, которые задались мыслью о воспитаніи народа, о необходимости и неперемѣнной обязанности образованнаго общества дѣйствовать на народъ, вліять на развитіе его понятій, на возвышеніе его нравственности. Чтобы дѣйствовать на народъ, нужно подойти къ нему ближе, сблизиться съ нимъ... Но тутъ послѣдовало странное раздѣленіе голосовъ:

одни сказали, что сближеніе съ народомъ - пустая, либеральная фраза, стало-быть не стоитъ о немъ ни говорить, ни думать; другіе сказали, что прежде нежели сближаться, нужно получить способность къ сближенію, которой мы не имѣемъ, потомучто исказили свои понятія наносными, несвойственными нашему народному духу началами, что народъ насъ никогда не пойметъ, отринетъ, не признаетъ своими; стало-быть нечего и пробовать подходить, сближаться. Само собою разумѣется, что эти два крайніе взгляда, не прямо противоположные между собою, но смотрящіе въ разныя стороны подъ какимъ-то неудобоизмѣримымъ угломъ, не исключаютъ существованія другихъ взглядовъ, и потому изъ всѣхъ ихъ оттѣнковъ образовалось множество презанимательныхъ толковъ, которые можетъ-быть еще нескоро кончатся.

Между тѣмъ, пока люди-теоретики излагаютъ свои мысли о томъ: нужно ли намъ приблизиться къ народу, способны ли мы приблизиться къ нему, и какимъ путемъ

и способомъ можемъ это сдѣлать, - нашолся человѣкъ, который неспросясь теоретиковъ, прямо пошолъ навстрѣчу народу, просящему духовной пищи, и предложилъ ему эту пищу съ необыкновенной простотой и естественностью. И человѣкъ этотъ вышелъ не изъ народа, а изъ той среды, которую по теоріи народъ долженъ не признавать, какъ чужую и незнакомую. Мы говоримъ о графѣ Л. Н. Толстомъ, имя котораго выставлено въ заглавіи нашей статьи. Читателямъ безъ сомнѣнія извѣстно изъ прошлогодняго объявленія объ изданіи журнала «Ясная-Поляна», что названіе этого журнала есть названіе имѣнія графа Толстого, въ тульской губерніи, гдѣ редактируется журналъ и гдѣ есть школа, любимѣйшее, какъ оказывается теперь, созданіе графа, или вѣрнѣе сказать не созданіе, а только подъ наитіемъ его мысли само-собою образовавшееся нѣчто самородное, ни подъ какія школьныя системы не подходящее: участіе графа Толстого въ образованіи яснополянской

школы можно уподобить участию химика въ образованіи кристала изъ приготовленнаго имъ раствора. Журналь «Ясная-Поляна», сколько можно судить по первому номеру и набросаннымъ въ немъ предположеніямъ, есть ничто иное какъ проведеніе завѣтной мысли о народномъ образованіи, которую долго носилъ въ душѣ гр. Толстой, и изложеніе наблюденій надъ школой, для постепенной провѣрки этой мысли. Гр. Толстой не теоретикъ, а человекъ, бѣгущій отъ теоріи на свободу, на чистый воздухъ, къ свѣжей, первобытной человѣческой природѣ, просить у ней защиты отъ теоріи и совѣта, какъ ему поступать въ его дѣлѣ. О его пріемахъ, о характерѣ его дѣятельности, о его искренности, о любви, съ которою онъ приступаетъ къ дѣлу, - обо всемъ этомъ можно заключить по нѣсколькимъ строкамъ, въ которыхъ онъ обращается къ публикѣ, по случаю вступленія имъ на поприще.

«Мнѣ становится страшно - говоритъ онъ - и за себя, и за тѣ мысли, которыя годами

выработывались во мнѣ и которыя я считаю за истинныя. Я напередъ убѣжденъ, что многія изъ этихъ мыслей окажутся ошибочными. Какъ бы я ни старался изучать предметъ, я невольно смотрѣлъ на него съ одной стороны. Надѣюсь, что мои мысли вызовутъ противныя мнѣнія. Всѣмъ мнѣніямъ я съ удовольствіемъ дамъ мѣсто въ своемъ журналѣ. Одного я боюсь: чтобы мнѣнія эти не выражались жолчно, чтобы обсужденіе столь дорогого и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, въ личности, въ журнальную полемику. Я не скажу, что насмѣшки и личности не могутъ меня затронуть, что я надѣюсь стоять выше ихъ. Напротивъ я признаюсь, что боюсь за себя одинаково, какъ боюсь и за самое дѣло; боюсь увлеченья полемикой личной, вмѣсто спокойной и упорной работы надъ своимъ дѣломъ.»

Чтоже однако это за мысли, въ которыхъ самъ графъ Толстой предвидитъ что-то ошибочное, которыми между тѣмъ

онъ такъ дорожить, которыя такъ лелѣть и за которыя такъ боится? Тутъ есть собственно одна большая и свѣтлая мысль, царящая надъ всѣми другими, частными мыслями. Эту-то мысль мы и намѣрены здѣсь изложить, ей собственно посвящаемъ нашу статью. Вотъ что думалъ графъ Толстой, прежде нежели практически приступилъ къ своему дѣлу:

Всякій народъ, какъ всякій человѣкъ, по самому свойству ума человѣческаго, ищетъ знаній, желаетъ образованія; всякое правительство, вмѣстѣ съ высшими, образованными слоями общества, признають долгомъ удовлетворять этой естественной потребности и стремятся распространять въ народъ образованіе. Казалось бы, что изъ этихъ двухъ взаимныхъ стремленій должно произойти удивительное согласіе и великіе результаты, т. е. почти всеобщее образованіе. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое: на дѣлѣ выходитъ то, что какъ только образовывающая сторона откроетъ свои

дѣйствія на народъ, послѣдній оказываетъ противодѣйствіе, и какбудто нехочетъ принимать предлагаемое ему образованіе. Этотъ отпоръ вызываетъ съ высшей стороны насиліе: или правительства прибѣгаютъ къ законодательнымъ мѣрамъ, дѣлающимъ первоначальное образованіе для народа обязательнымъ (какъ въ Германіи), или образованные классы, принявъ на себя всѣ хлопоты, употребляютъ необыкновенныя усилія, дѣйствуютъ посредствомъ безчисленныхъ обществъ и т. п. (какъ въ Англіи). Не будь противодѣйствія со стороны народа, эти мѣры были бы ненужны; но онѣ, какъ извѣстно, есть, стало-быть противодѣйствіе существуетъ несомнѣнно. Такимъ образомъ вмѣсто согласія, вмѣсто гармоническаго сочетанія двухъ взаимныхъ стремленій, является борьба; вмѣсто великаго результата - всеобщаго образованія...

- Однако чтоже это за явленіе, и что оно значитъ? перебиваете вы.

Позвольте. Чѣмъ отвѣчать теперь же на этотъ вопросъ, лучше прежде досказать, что именно выходитъ изъ народнаго противодѣйствія, съ трудомъ побѣждаемаго quasi-благодѣтельными усиліями образовывающихъ... Распространяется грамотность и - не рапространяется образованіе; почти весь народъ дѣлается грамотнымъ и почти весь остается совершенно необразованнымъ; выходя изъ школы, онъ уноситъ съ собою механическое умѣнье грамоты и счета, а все остальное, какбы принадлежащее школѣ и нисколько не принадлежащее ему и его жизни, оставляетъ тамъ, въ школѣ. И средства къ образованію, которыя повидимому, должна была бы дать школа, народъ не употребляетъ въ дѣло, а бросаетъ, какъ что-то ему надоѣвшее, намозолившее ему умъ и память. Графъ Толстой убѣдился въ этомъ сдѣланными имъ лично наблюденіями въ разныхъ мѣстахъ Европы. Онъ говоритъ на примѣръ, что во Франціи въ городахъ народъ дѣйствительно цивилизованъ; но его

цивилизovala, образовала его понятія жизнь, - дешовыя изданія, летучіе листки, публичныя библіотеки, театры, сафъs-chantants и проч.; на всѣхъ его понятіяхъ лежитъ отпечатокъ этого рода образованія, а того, что должна была-бы дать школа, слѣдовъ нѣтъ. Но внѣ городовъ, гдѣ жизнь не цивилизуетъ, французскій народъ глохнетъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, хотя школы и здѣсь и тамъ одинаково устроены и вездѣ ихъ достаточно. Наконецъ - что нѣтъ образованія ни въ одной народной массѣ, это доказывается и тѣмъ, что нѣтъ нигдѣ народной, народу принадлежащей, имъ самимъ созданной литературы...

Такъ чтоже это за явленіе, и что оно значить?

Графъ Толстой дѣлаетъ предположеніе, что если образовывающее общество никогда неколебалось усиленно дѣйствовать на народъ, признавая его противодѣйствіе незаконнымъ, то оно должно-быть имѣло какія-нибудь основанія думать, что образованіе, которымъ оно владѣло въ извѣстной формѣ, было благо для

извѣстнаго народа и въ извѣстную историческую эпоху. Какія же эти основанія? спрашиваетъ онъ. Какія имѣеть основанія школа нашего времени учить тому, а не этому, учить такъ, а не иначе? Отыскивая этихъ основаній въ педагогикѣ, графъ Толстой приходитъ между прочимъ къ слѣдующему:

«Прослѣдивъ ходъ исторіи философіи педагогики, вы найдете въ ней не критеріумъ образованія, но напротивъ одну общую мысль, безсознательно лежащую въ основаніи всѣхъ педагоговъ, несмотря на ихъ частое между собою разногласіе, мысль, убѣждающую насъ въ отсутствіи этого критеріума. Всѣ они, начиная отъ Платона и до Канта, стремятся къ одному - освободить школу отъ историческихъ узъ, тяготѣющихъ надъ нею; хотятъ угадать то, что нужно человѣку, и на этихъ болѣе или менѣе вѣрно угаданныхъ потребностяхъ строятъ свою новую школу. Лютеръ заставляеть учить въ подлинникѣ священное писаніе, а не по коментаріямъ

святыхъ отцовъ. Бэконъ заставляетъ изучать природу изъ самой природы, а не изъ книгъ Аристотеля. Руссо хочетъ учить жизни изъ самой жизни, какъ онъ ее понимаетъ, а не изъ прежде бывшихъ опытовъ. Каждый шагъ философіи педагогики впередъ состоитъ только въ томъ, чтобы освободить школу отъ мысли обученія молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали наукою, къ мысли обученія тому, чтъ лежитъ въ потребностяхъ молодыхъ поколѣній. Одна эта общая, и вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчащая сама себѣ мысль чувствуется во всей исторіи педагогики, - общая потому, что всѣ требуютъ бльшей мѣры свободы школь; противорѣчащая потому, что каждый предписываетъ законы, основанные на своей теоріи, и тѣмъ самымъ стѣсняетъ свободу.»

Чтоже такое школы нашего времени? Дошли ли онѣ до полной мѣры свободы? вышли ли изъ вѣчнаго противорѣчія? Вотъ

что показали графу Толстому наблюдёнія надъ современной дѣйствительностью:

«Отець (это разумѣется о Германіи) посылаетъ дочь или сына въ школу противъ своего желанія, кляня учрежденіе, лишашее его работы сына, и считая дни до того времени, какъ сынъ сдѣлается *Schulfrei* (одно это выраженіе показываетъ, какъ смотритъ народъ на школы).

«Ребенку школа представляется учрежденіемъ для мученія дѣтей, - учрежденіемъ, въ которомъ лишаютъ ихъ главнаго удовольствія и потребности дѣтскаго возраста - свободнаго движенія, гдѣ *Gehorsam!* (послушаніе) и *Ruhe!* (спокойствіе) - главныя условія.

«Всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнью. Но школа нетолько не возбуждаетъ вопросовъ, она даже не отвѣчаетъ на тѣ, которые возбуждены жизнью. Она постоянно отвѣчаетъ на одни и тѣже вопросы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ поставленные человѣчествомъ, а не

дѣтскимъ возрастомъ, до которыхъ еще нѣтъ дѣла ребенку. Это вопросы о томъ: какъ сотворенъ міръ? кто былъ первый человекъ? что было тому 2,000 лѣтъ назадъ? какая земля Азія? какую имѣетъ форму земля? какимъ образомъ помножать сотни на тысячи? что будетъ послѣ смерти и т. п. На вопросы же, представляющіеся ему изъ жизни, онъ не получаетъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что по полицейскому устройству школы, онъ не имѣетъ права открыть рта даже для того, чтобъ попроситься на дворъ, а долженъ это дѣлать знаками.

«Школы учреждаются такъ потому, что цѣль правительственной школы, учрежденной свѣше, заключается большей частью не въ томъ, чтобъ образовать народъ, а чтобы образовать его по нашей методѣ.

«Школы учреждаются не такъ, чтобы дѣтямъ было удобно учиться, но такъ, чтобы учителямъ было удобно учить. Учителю неудобны говоръ, движеніе, веселость дѣтей, составляющія для нихъ

необходимое условіе ученія, и въ школахъ запрещены вопросы, разговоры и движеніе.

«Стоить взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улицѣ или въ школѣ: то вы видите жизнерадостное, любознательное существо, съ улыбкой въ глазахъ и на устахъ, во всемъ ищущее поученія какъ радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своимъ языкомъ; то видите измученное, сжавшееся существо, съ выраженіемъ усталости, страха и скуки, повторяющее однѣми губами чужія слова на чужомъ языкѣ, - существо, котораго душа, какъ улитка, спряталась въ свой домикъ. Стоитъ взглянуть на эти два состоянія, чтобы рѣшить, которое изъ двухъ болѣе выгодно для развитія ребенка. То странное психологическое состояніе, которое я назову школьнымъ состояніемъ души, которое мы всѣ къ несчастью такъ хорошо знаемъ, состоитъ въ томъ, что всѣ высшія способности - воображеніе, творчество, соображеніе - уступаютъ мѣсто какимъ-то другимъ полживотнымъ способностямъ - произносить звуки независимо отъ

воображенія, считать числа сряду 1, 2, 3, 4, 5, воспринимать слова, недопуская воображенію подставлятъ подъ нихъ какіе-нибудь образы; однимъ словомъ - способность подавлять въ себѣ всѣ высшія способности, для развитія только тѣхъ, которыя совпадаютъ съ школьнымъ состояніемъ: страхъ, напряженіе памяти и вниманіе.»

По этимъ отличительнымъ чертамъ современной намъ народной школы кажется нетрудно дойти до объясненія того противодѣйствія, которое всюду инстинктивно оказываетъ народъ усиліямъ образовывающихъ; а еще легче объяснить этими чертами печальные плоды побѣды, одерживаемой усиліями образовывающихъ надъ народнымъ противодѣйствіемъ, т. е. понятно дѣлается, отчего дѣти народа, выходя изъ школы, выносятъ съ собою только то чтъ могло быть воспринято въ одуряющей атмосферѣ, полживотными способностями, и вслѣдствіе того остаются совершенно необразованными.

Собравъ эти невеселыя наблюденія и посмотрѣвъ потомъ на русскій народъ, графъ Толстой подумалъ: хорошо нѣмцамъ, на основаніи двухсотлѣтняго существованія школы, исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ? Какое мы имѣемъ историческое основаніе говорить, что наши школы должны быть такія же, какъ и европейскія школы? Мы не имѣемъ еще исторіи народнаго образованія... Чтоже намъ дѣлать въ настоящую минуту? И вотъ его отвѣтъ на эту крѣпкую думу, вотъ решеніе вопроса:

«Перестанемъ - говоритъ онъ - смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію какъ на враждебный элементъ педагогики, а напротивъ будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которой одной должна руководиться наша дѣятельность. Сознаемъ наконецъ тотъ законъ, который такъ ясно говоритъ намъ и изъ исторіи педагогики, и изъ исторіи всего образованія, что для того, чтобы

образовывающему знать что хорошо и что дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе, или по крайней мѣрѣ уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ ему, что критериумъ педагогики есть только одинъ - свобода.

«Мы избрали - прибавляетъ графъ Толстой - этотъ послѣдній путь въ нашей педагогической дѣятельности. Основаніемъ нашей дѣятельности служить убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія - педагогики, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, бесполезно и вредно.»

Таково воззрѣніе, съ которымъ графъ Толстой пошолъ навстрѣчу къ дѣтямъ

народа. Мы сказали, что онъ не теоретикъ. Читатели безъ сомнѣнія видятъ, имѣли ли мы право сказать это; видятъ они вѣроятно и то, что его нельзя также упрекнуть въ искаженіи своихъ понятій наносными началами: болѣе полного и болѣе искренняго отреченія отъ всякихъ наносныхъ теорій и началъ кажется уже нельзя требовать. Что касается до чувства, то... помните слова: не возбраняйте дѣтямъ приходить ко мнѣ? Кажется, что этотъ завѣтъ невозбранности составляетъ единственное вѣрованіе, которое основатель яснополянской школы оставилъ у себя въ душѣ, начиная свое педагогическое дѣло. Намъ остается подтвердить это нѣсколькими мѣстами изъ описанія яснополянской школы, мѣстами, которыя вмѣстѣ покажутъ, какъ графъ Толстой осуществляетъ на дѣлѣ свое возрѣніе.

Въ яснополянской школѣ бываетъ отъ 30 до 40 учениковъ и ученицъ; но она, «какъ всякое живое существо, не только съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ видоизмѣняется, но и подвержена

временнымъ кризисамъ, невздамъ, болѣзнямъ и дурнымъ настроеніямъ.» Школа помѣщается въ отдѣльномъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, расположенномъ на мѣстности, отдѣленной отъ деревни оврагомъ. Въ этомъ же домѣ живутъ и учителя; у нихъ обыкновенно ночуютъ нѣкоторые изъ учениковъ. Часовъ въ восемь утра учитель посылаетъ кого-нибудь изъ мальчиковъ звонить въ подвѣшенный у крыльца колокольчикъ. Мальчикъ звонить.

«...Черезъ полчаса послѣ звонка, въ туманѣ, въ дождѣ или въ косыхъ лучахъ осенняго солнца, появляются на буграхъ темныя фигурки по двѣ, по три и поодинокѣ. Табунное чувство уже давно исчезло въ ученикахъ. Ужь нѣтъ необходимости ему дожидаться и кричать: «Эй! ребета, въ училищу!» Ужь онъ знаетъ, что училище средняго рода, много кой-чего другого знаетъ и - странно! - вслѣдствіе этого не нуждается въ толпѣ. Пришло ему время, онъ и идетъ. Мнѣ съ каждымъ

днемъ кажется, что все самостоятельнѣе и самостоятельнѣе дѣлаются личности и рѣзче ихъ характеры... Съ собою никто ничего не несетъ - ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ.

«Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего сдѣланнаго вчера онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело также, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье и никогда не опаздываютъ: нешто старшіе, которыхъ отцы другой разъ задержать дома какою-нибудь работой. И тогда этотъ большой рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу. Пока учитель еще не пришолъ, они собираются кто около крыльца, толкаясь съ ступенекъ или катаясь на ногахъ по ледочку раскатанной дорожки, кто въ школьныхъ комнатахъ.

Когда холодно, - ожидая учителя читаютъ, пишутъ или возятъся. Дѣвочки не мѣшаются съ ребятами. Когда ребята затѣваютъ что-нибудь съ дѣвочками, то никогда не обращаются къ одной изъ нихъ, а ко всѣмъ вмѣстѣ: «Эй, дѣвки! что не катаетесь?» или: «дѣвки-то вишь замерзли», или: «ну, дѣвки, выходи всѣ на меня одного!» Только одна изъ дѣвочекъ, дворовая, съ огромными и всесторонними способностями, лѣтъ десяти, начинаетъ выходить изъ табуна дѣвокъ. И съ этой только ученики обращаются какъ съ равной, какъ съ мальчикомъ, только съ тонкимъ отѣнкомъ учтивости и снисходительности и сдержанности.

«Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или «задавили ребета!» или «будеть! брось - виски-то» и т. д. «Петръ Михайловичъ!» кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю: - «вели имъ бросить». «Здравствуй, Петръ Михайловичъ!» кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздаетъ тѣмъ, которые съ

нимъ пошли къ шкапу; изъ кучи на полу верхніе лежа требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкапу и кричатъ: «и мнѣ, и мнѣ!» «Дай мнѣ вчерашнюю», «а мнѣ кольцовую» и т. п. Ежели останутся еще какіе-нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: «Чтѣ вы тутъ замѣшались? ничего не слышно. Будеть!» Увлеченные покоряются и запыхавшись берутся за книги, и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ неулегшагося волненія. Духъ войны улетаетъ и духъ чтенія воцаряется въ комнатѣ. Съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ какимъ онъ дралъ за виски Митьку, онъ теперь читаетъ кольцовую книгу (сочиненія Кольцова), чуть не стиснувъ зубы, блестя глазенками и ничего невидя вокругъ себя, кромѣ своей книги... Садятся они гдѣ кому вздумается: на лавкахъ, столахъ, подоконникѣ, полу и креслѣ...»

«По росписанію до обѣда значится четыре урока, а выходитъ иногда три или два, и иногда совсѣмъ другіе предметы. Учитель начнетъ арифметику и перейдетъ къ геометріи; начнетъ священную исторію, а кончитъ граматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и вмѣсто одного часа классъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ: «Нѣтъ! еще, еще!» и кричатъ на тѣхъ, которымъ надоѣло. «Надоѣло, такъ ступай къ маленькимъ!» говорятъ они презрительно.»

Еще одна картина - и вамъ будетъ совершенно ясенъ характеръ занятій въ яснополянской школѣ.

«Всѣ вечерніе уроки (говоритъ гр. Толстой), а особенно первый, имѣютъ совершенно особенный отъ утреннихъ характеръ спокойствія, мечтательности и поэтичности. Придите въ школу сумерками - огня въ окнахъ невидно, почти тихо, только вновь натасканный снѣгъ на ступени лѣстницы, слабый гулъ и шевеленье за

дверью, да какой-нибудь мальчуганъ, ухватившись за перилы, черезъ двѣ ступени шагающій навверхъ по лѣстницѣ, доказываютъ, что ученики въ школѣ. Войдите въ комнату. Ужь почти темно за замерзшими окнами; старшіе, лучшіе ученики прижаты другими къ самому учителю и задрать головки смотрять ему прямо въ ротъ. Дворовая самостоятельная дѣвочка съ озабоченнымъ лицомъ сидитъ всегда на высокомъ столѣ - такъ и кажется каждое слово глотаешь; по плеше, ребята-мелкота, сидятъ по дальше: они слушаютъ внимательно, даже сердито, они держатъ себя такъ же какъ и большіе; но несмотря на все вниманіе, мы знаемъ, что они ничего не расскажутъ, хотя и многое запомнятъ... Когда идетъ новый рассказъ - всѣ замерли, слушаютъ. Когда повтореніе - тутъ и тамъ раздаются самолюбивые голоса, немогущіе выдержать, чтобъ не подсказать учителю. Впрочемъ и старую исторію, которую любятъ, они просятъ учителя повторить всю своими словами и не позволяютъ перебивать учителя. «Ну ты, не терпится!

молчи!» крикнуть на выскочку. Имъ больно, что перебиваютъ характеръ и художественность рассказа учителя. Последнее время это была исторія жизни Христа. Они всякій разъ требовали рассказать ее всю... Кажется все мертво, не шелохнется, - не заснули ли? Подойдешь въ полутьмѣ, взглянешь въ лицо какому-нибудь маленькому - онъ сидитъ, впившись глазами въ учителя, сморщивши лобъ отъ вниманія, и десятый разъ отталкиваетъ съ плеча навалившуюся на него руку товарища. Вы пощекотите его за шею - онъ даже не улыбнется, согнетъ головку, какъ будто отгоняясь отъ мухи, и опять весь отдастся таинственному и поэтическому рассказу: какъ сама разорвалась церковная завѣса и темно сдѣлалось на землѣ - ему и жутко, и хорошо. Но вотъ учитель кончилъ рассказывать, и всѣ поднимаются съ мѣста и толпясь къ учителю, перекрикивая одинъ другого, стараются пересказать все что удержано ими. Крикъ поднимается страшный, - учитель насилу можетъ слѣдить за всѣми. Тѣ, которымъ запретили

говорить, въ увѣренности, что они знаютъ, не успокоиваются этимъ: они приступаютъ къ другому учителю, ежели его нѣтъ - къ товарищу къ постороннему, къ истопнику даже, ходятъ изъ угла въ уголь подвое, потрое, прося каждаго ихъ послушать.»

Случается, что послѣобѣденные классы въ яснополянской школѣ оканчиваются совершенно особеннымъ и неожиданнымъ образомъ. Напримѣръ передъ праздникомъ, когда дома печки приготовлены париться, вдругъ два-три мальчика забѣгаютъ, торопливо разбирая шапки. - «Что вы?» - Домой! - «А учиться? вѣдь пѣнье!» - А ребета говорятъ домой! отвѣчаетъ мальчикъ, ускользя съ своей шапкой. - «Да кто говорить?» - Ребета пошли! - «Какже, какъ?» спрашиваетъ озадаченный учитель: - «останься!» Но въ комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь?» сердито нападаетъ онъ на удержаннаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку: - «ребета

ужь воонъ гдѣ, у кузни ужь небось.» - Пошли? - «Пошли.» И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Иванычъ!» И кто такіе эти ребята, которые рѣшили идти домой, какъ они рѣшили? - Богъ ихъ знаетъ. Учителю обидно и непріятно, но - чтоже дѣлать? Подобному внезапному бѣгству не препятствуютъ на томъ основаніи, что одинъ такой случай съ избыткомъ вознаграждается десятую другими, когда мальчики съ полной охотой и одушевленіемъ выдерживаютъ нѣсколько уроковъ сряду и всегда бѣгутъ въ школу весело, съ радостью.

Описанный въ вышеприведенныхъ мѣстахъ внѣшній безпорядокъ школы графъ Толстой находитъ полезнымъ и незамѣнимымъ. Полезность и незамѣнимость его конечно прямо вытекаетъ изъ самаго воззрѣнія его на школу; о мнимомъ же неудобствѣ этаго безпорядка или «свободнаго порядка» онъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ употребляютъ люди насиліе только вслѣдствіе поспѣшности и недостатка

уваженія къ челоѣческой природѣ; что имъ кажется, безпорядокъ растеть, растеть и нѣтъ ему предѣловъ; кажется нѣтъ другого средства прекратить его, какъ употребить силу, а между тѣмъ стоило бы только немного подождать, и безпорядокъ улегся бы самъ собой въ порядокъ гораздо лучшій и прочнѣйшій. «Школьники - люди, хоть маленькіе, но люди имѣющіе тѣже потребности (естественныя) какія и мы, и тѣми же путями мыслящіе; они всѣ хотятъ учиться, затѣмъ только ходятъ въ школу, и потому имъ весьма легко дойти до заключенія, что нужно подчиняться извѣстнымъ условіямъ, для того чтобы учиться. Мало того: они - общество людей, соединенное одной мыслью. А гдѣ трое соберутся во имя Мое, и Я между ними.

Графъ Толстой убѣжденъ, что школа не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, подлежащее семейству, не должна и не имѣть права награждать и наказывать; но онъ признается, что въ яснополянской школѣ случалось измѣнять этому убѣжденію, въ силу старой привычки. Онъ

рассказываетъ одинъ случай: какъ одинъ мальчикъ (дворовый, изъ дальней деревни) былъ обличенъ въ воровствѣ и преданъ суду товарищей; какъ одни изъ нихъ полагали высѣчь преступника, другіе - наказать стыдомъ, нашивши ему на спину ярлыкъ съ надписью «воръ»; какъ было принято и исполнено послѣднее предложеніе и какъ оно не произвело желаннаго дѣйствія: мальчикъ попался во вторичномъ воровствѣ, и товарищи рѣшили было повторить надъ нимъ тоже наказаніе; но когда стали нашивать ярлыкъ, графъ Толстой, наблюдая лицо преступника, почувствовалъ, что дѣлается что-то недоброе; онъ не выдержалъ, сорвалъ ярлыкъ и отпустилъ мальчика на всѣ четыре стороны. «Я убѣдился, говоритъ онъ въ заключеніе этого рассказа - что есть тайны души, закрытыя отъ насъ, на которыя можетъ дѣйствовать жизнь, а не нравоученья и наказанья. И что за дичь? мальчикъ укралъ книгу, - цѣлымъ длиннымъ, многосложнымъ путемъ чувствъ, мыслей, ошибочныхъ умозаключеній

приведень былъ къ тому, что взялъ чужую книжку и зачѣмъ-то заперъ ее въ свой сундукъ, - а я налѣплю ему бумажку съ словами «воръ», которыя значать совсѣмъ другое! Зачѣмъ? Наказать его стыдомъ, скажутъ мнѣ. Наказать его стыдомъ? Зачѣмъ? Что такое стыдъ? И развѣ извѣстно, что стыдъ уничтожаетъ склонность къ воровству? Можетъ-быть онъ поощряетъ ее. То, что выражалось на его лицѣ, можетъ-быть было не стыдъ? Даже навѣрно я знаю, что это былъ не стыдъ, а что-то совсѣмъ другое, что можетъ-быть спало бы всегда въ его душѣ и что не нужно было вызывать. Пускай тамъ, въ мірѣ, который называютъ дѣйствительнымъ, въ мірѣ Пальмерстоновъ, Каэнъ, - въ мірѣ, гдѣ разумно не то, что разумно, а то, что дѣйствительно, - пускай тамъ люди, сами наказанные, выдумаютъ себѣ права и обязанности наказывать. Нашъ міръ дѣтей - людей простыхъ, независимыхъ - долженъ оставаться чистъ отъ самообманыванья и преступной вѣры въ законность наказанія, вѣры и

самообманыванья въ то, что чувство мести становится справедливымъ, какъ скоро его назовемъ наказаніемъ...»

Теперь мы должны еще показать характеръ отношеній графа Толстого къ этимъ «крестьянскимъ ребяташкамъ», какъ называютъ ихъ у насъ въ просторѣчїи; безъ того будетъ недовольно видно, въ какой степени онъ вѣренъ своимъ воззрѣніямъ на дѣлѣ; а это очень важно, потому что воззрѣній намъ не занимать стать, но мы только какъ-то затрудняемся осуществлять ихъ собственной личной дѣятельностью, въ простой, вседневной жизни. Попробуемъ характеризовать эти отношенія однимъ случаемъ, одной прогулкой, о которой между прочимъ рассказываетъ графъ Толстой. Вотъ какъ было дѣло.

Была зимняя безмѣсячная ночь, съ тучами на небѣ; ученики и вмѣстѣ съ ними графъ Толстой вышли изъ школы, только что начитавшись гоголевскаго Вія. На перекресткѣ, гдѣ имъ надо было разойтись, остановились, и нѣсколько старшихъ учениковъ стали просить графа проводить

ихъ еще. «Пойдемъ въ заказъ», сказалъ одинъ. Это - небольшой лѣсъ, шагъ въ двухстахъ отъ жилья. Пошли вчетверомъ: графъ Толстой, Федька - мальчикъ лѣтъ десяти, нѣжная, воспріимчивая, поэтическая и лихая натура; Семка - малый лѣтъ двѣнадцати, здоровенный физически и морально, съ математическимъ складомъ ума, и Пронька - болѣзненный, кроткій и даровитый мальчикъ. Шли они къ лѣсу и Федька все заговаривалъ, то вспоминая, какъ онъ на этомъ мѣстѣ лѣтомъ стерегъ лошадей, то утверждая, что ничего не страшно, то спрашивая: «что если какой-нибудь выскочитъ?» Разговорились о кавказскихъ разбойникахъ, и графъ сталъ имъ повторять когда-то уже слышанные ими отъ него рассказы объ абрекахъ, о казакахъ, о Хаджи-Муратѣ. Здѣсь слѣдуетъ замѣчаніе, что крестьянскія дѣти не любятъ всякихъ ласкъ - нѣжныхъ словъ, поцѣлуевъ, троганій рукою и т. п.

Потому-то (говоритъ г. Толстой) меня особенно поразило, когда Федька, шедшій

рядомъ со мной, въ самомъ страшномъ мѣстѣ сказа вдругъ дотронулся до меня слегка рукавомъ, потомъ всей рукой ухватилъ меня за два пальца и уже не выпускалъ ихъ... Я кончилъ рассказъ тѣмъ, что окруженный абрекъ запѣлъ пѣсни и потомъ самъ бросился на кинжалъ. Всѣ молчали.

«- Зачѣмъ-же онъ пѣсню запѣлъ, когда его окружили? спросилъ Семка.

«- Вѣдь тебѣ сказывали - умирать собрался! отвѣчалъ огорченно Федька.

«- Я думаю, это молитву онъ запѣлъ, прибавилъ Пронька.

«Всѣ согласились. Федька остановился вдругъ.

«- А какъ вы говорили, вашу тетку зарѣзали? спросилъ онъ. Ему мало еще было страховъ!

«- Расскажи! расскажи!

«Я рассказалъ имъ еще разъ страшную исторію убійства графини Толстой, и они молча сидѣли вокругъ меня, глядя мнѣ въ лицо.»

Путешественники прошли краемъ лѣса и остановились въ рощѣ, за гумнами. Семка взялъ изъ снѣгу хворостину и сталь колотить ея по сучьямъ липы.

- Л. Н.! вдругъ заговорилъ Федька: - для чего учиться пѣнью? Я часто думаю право, зачѣмъ пѣть?

Вопросъ былъ - о значеніи искусства. Завязался общій разговоръ, начались разъясненія общими силами, посредствомъ другихъ вопросовъ: зачѣмъ рисовать? зачѣмъ хорошо писать? зачѣмъ растетъ липа и на что она пригодна, пока не срублена? Кончилось тѣмъ, что всѣ поняли значеніе искусства, каждый съ отбѣнкомъ, свойственнымъ его натурѣ.

«Семка понималъ своимъ большимъ умомъ, но не признавалъ красоты безъ пользы. Онъ сомнѣвался, какъ это часто бываетъ съ людьми большого ума, чувствующими, что искусство есть сила, но нечувствующими въ свой душѣ потребности этой силы. Федька совершенно понималъ, что липа хороша въ листьяхъ и лѣтомъ хорошо смотрѣть на нее, и больше ничего

ненадо. Пронька понималъ, что жалко ее срубить, потомучто она тоже живая: «вѣдь это все равно что кровь, когда изъ березы сокъ пьемъ.»

Прогулка кончилась тѣмъ, что вошли въ деревню, и мальчики одинъ за другимъ разошлись по домамъ, говоря: «Прощайте, Л. Н.!»

Мы кончили о «Ясной-Полянѣ». Тутъ конечно не все: въ описаніи школы есть много педагогическихъ фактовъ; рассказывается на примѣръ о томъ, какъ долго не могли тамъ добиться, чтобъ ученики бѣгло читали, какіе употребляли искусственные приемы, неимѣвшіе никакого успѣха, и какъ наконецъ сами ученики напали на свой приемъ и достигли цѣли; рассказывается о трудности выбора книгъ для чтенія, и пр. и пр. Но все это мы опускаемъ, потомучто все это подлежитъ обсужденію педагоговъ-спеціалистовъ, - имъ предоставляется и критика яснополянской школы. Мы впрочемъ очень

сомнѣваемся, чтобъ наши педагоги обратили на нее какое-нибудь вниманіе. Въ ней вѣдь нѣтъ рутины. Намъ же нужно было только указать на дорогу, по которой пошоль гр. Толстой, направляясь прямо къ сердцу такъ-называемой «меньшой братіи», - дорогу, по которой кажется еще никто у насъ не ходилъ и на которую нельзя вступать съ одной головой, хотя бы и вооружонной принципомъ, - ужь лучше безъ принципа, но съ чистымъ, живымъ, не замореннымъ сердцемъ... Мы не хотимъ никого увѣрять въ безошибочности всѣхъ настоящихъ и будущихъ дѣйствій графа Толстого, но мы увѣрены, что онъ сознается во всѣхъ своихъ ошибкахъ, если онъ будутъ, - сознается такъ же просто и чистосердечно, какъ просто и чистосердечно дѣлаетъ свое дѣло. Ему, отрѣшившемуся отъ всякихъ теорій и началъ, нечего отстаивать, незачто бояться; за основную мысль его - о правѣ народа требовать и ждать образованія, ему потребнаго, и не принимать ненужнаго и навязываемаго, - за эту мысль бояться

невозможно; невозможно также бояться и за единственную характеристическую черту его отношеній къ дѣтямъ, потомучто черта эта - полнѣйшая свобода и отсутствіе всякаго нравственнаго посягательства на чужую, хотя бы и маленькую личность.
